

Чжун Цинлин стояла за дверью, с тревогой вглядываясь внутрь дома.

От входной двери шла небольшая прихожая и лишь свернув за угол, можно было попасть в гостиную. Такая планировка изначально задумывалась для защиты личного пространства жильцов. Поэтому, даже находясь прямо у входа, Чжун Цинлин совершенно не могла разглядеть, что происходит внутри.

Она видела лишь, как погружённый во тьму дом вдруг озарился светом — словно солнечные лучи вспыхнули изнутри. Леденящее, давящее ощущение исчезло без следа, будто всё наконец вернулось в норму.

Неужели... они нашли Чэнь Юаня?

В сердце Чжун Цинлин робко вспыхнула надежда.

Но почти сразу она покачала головой, заставляя себя не думать дальше — чтобы не взлететь слишком высоко в ожиданиях и не рухнуть потом ещё больнее.

Когда тревога уже почти захлестнула её, изнутри наконец донёсся шум.

Послышались шаги, вперемешку с голосами подростков и детским лепетом.

Через мгновение Линь Сюэцэ, держа Чэнь Юаня за руку, появился у неё перед глазами.

У Гуй сказал:

— Госпожа Чжун, мы не подвели.

От Линь Сюэцэ Чэнь Юань узнал, как сильно мать переживала все эти дни. Стоило ему представить, как он прятался, а мама металась в тревоге снаружи, — сердце сжалось от боли и вины.

Теперь, увидев Чжун Цинлин, стоящую у двери и смотрящую на него, он тихо позвал:

— Мама...

Чжун Цинлин застыла, глядя на него, и долго не могла прийти в себя.

Когда Чэнь Юань не услышал ответа, ему показалось, что мама сердится на него.

Собрав всю храбрость, он подошёл ближе и осторожно потянул её за край одежды:

— Мама... прости меня.

Лишь тогда Чжун Цинлин словно очнулась и опустила взгляд.

Перед ней стоял маленький ребёнок — подняв голову, он смотрел на неё жалобно, сдерживая слёзы.

Глаза Чжун Цинлин мгновенно покраснели. Она наклонилась и резко прижала Чэнь Юаня к себе, сбивчиво заговорила:

— Куда ты пропал? Ты хоть понимаешь, как я испугалась? Я тебя не могла найти, я чуть с ума не сошла! Я уже не знала — я больна или я и правда тебя потеряла...

Чэнь Юань оказался зажат в её крепких объятиях.

Слыша её слова, вспоминая эти дни бесконечных прятков и страха, вспоминая её беспокойство и тоску, он тоже не выдержал и расплакался.

— Прости, мама... я не специально... я боялся, что ты больше не будешь меня любить... прости... — он вцепился в неё, уткнувшись лицом ей в грудь, и снова и снова повторял слова извинения.

Когда Чэнь Юань заплакал, Чжун Цинлин больше не смогла сдерживаться — слёзы хлынули сами собой.

Чувствуя, как маленькое тельце в её руках судорожно всхлипывает, она заставила себя успокоиться и, подняв руку, стала бережно вытирать ему слёзы.

Увидев, что у Чэнь Юаня глаза покраснели и блестят от слёз, — такой жалкий и в то же время трогательно-милый, — сердце Чжун Цинлин сжалось от боли.

— Глупыш... — с надрывной нежностью сказала она. — Я же твоя мама. Как я могу тебя не любить? Что бы с тобой ни случилось, кем бы ты ни стал — ты всегда мой ребёнок.

Говоря это, она вытерла ему слёзы, затем аккуратно пригладила волосы и поправила воротник одежды.

— Ты голодный? Эти два дня ты хоть что-нибудь ел? Спал нормально?

Чэнь Юань покачал головой.

Этот дом был лишь временным убежищем — в холодильнике почти не было еды. Он боялся, что его найдут, и потому редко решался уснуть. Иногда, когда усталость становилась невыносимой, он закрывал глаза и ненадолго проваливался в дремоту, но вскоре снова просыпался.

И всё же это было странно: он почти не ел и почти не спал, а всё равно выжил.

Более того — после того как у него появилось ушко и звериные лапы, его физическое состояние стало даже лучше прежнего. Скорость, с которой он бегал и прятался, значительно превосходила возможности обычного человека.

Подумав, Чэнь Юань добавил:

— Но когда я увидел Сюэцэ... голод сразу прошёл.

Белый свет опустился на его тело и мягко прошёлся по всем меридианам.

Он не только заставил исчезнуть ушко и звериные лапы — ощущение было такое, будто Чэнь Юань погрузился в тёплую воду: живот приятно наполнился, всё тело окутало уютное тепло, стало так хорошо, что словами не передать.

Сейчас он не чувствовал ни малейшего голода или усталости. Щёки даже слегка порозовели — он выглядел более здоровым и румяным, чем обычно.

Услышав, как Чэнь Юань упомянул имя Линь Сюэцэ, Чжун Цинлин подняла на него взгляд.

Она решила, что после того как Линь Сюэцэ нашёл ребёнка, он сразу же накормил его, и потому поспешно начала благодарить его снова и снова.

Линь Сюэцэ смутился и лишь ответил:

— Вы слишком вежливы. Мы не могли поступить иначе.

Помолчав, он добавил тихим голосом:

— Госпожа Чжун... можно поговорить с вами наедине?

— Конечно, — без колебаний ответила она.

Ребёнок нашёлся, дом снова наполнился жизнью, и для неё Линь Сюэцэ с У Гуем были настоящими благодетелями.

Пока У Гуй остался с Чэнь Юанем — они играли вместе, наклонившись друг к другу и шёпотом делясь тайнами своих превращений, — Чжун Цинлин и Линь Сюэцэ отошли в тихий угол.

— С Чэнь Юанем происходили сверхъестественные вещи, — сказал Линь Сюэцэ. — Думаю, у вас уже есть догадки о его состоянии.

Чжун Цинлин кивнула и не стала скрывать правду:

— Однажды ночью, когда он спал, я увидела, как его ухо вдруг превратилось в заячье — выросло прямо на макушке. А руки и ноги стали похожи на звериные лапы.

Линь Сюэцэ замер от неожиданности. Он и представить не мог, что Чжун Цинлин уже видела Чэнь Юаня в его полу-человеческом, полу-зверином облике.

Он недооценил внимательность матери.

Заметив его изумление, Чжун Цинлин сразу сказала:

— Я его родила и сама вырастила. Кем бы он ни стал, он навсегда останется моим сокровищем. Из-за врождённого дефекта Чэнь Юань — ребёнок чувствительный и замкнутый, но он невероятно добрый. Даже если он... чудовище, он никогда и никому не причинит вреда.

Услышав это, Линь Сюэцэ поспешно сказал:

— Вы неправильно меня поняли. Я никогда не считал Чэнь Юаня чудовищем.

Затем он рассказал о причине, по которой Чэнь Юань прятался в доме.

— Он не знал, что вы уже видели его истинный облик. Поэтому предпочёл скрываться и не показываться вам на глаза — он боялся напугать вас, боялся втянуть вас в неприятности, — тихо пояснил Линь Сюэцэ.

Чжун Цинлин вздрогнула. Эмоции захлестнули её, и она поспешно опустила голову, торопливо вытирая слёзы.

На ней всё это время были маска и солнцезащитные очки. Сейчас маска уже промокла от слёз и неприятно липла к лицу, но Чжун Цинлин даже не подумала её снимать.

Глядя на то, как она словно полностью закуталась в защиту, Линь Сюэцэ поколебался, но всё же спросил:

— И ещё... позвольте задать, возможно, бестактный вопрос. Ваш муж... он бьёт вас?

Движения Чжун Цинлин резко остановились. Пусть её лицо и было скрыто маской и очками, Линь Сюэцэ всё равно ясно почувствовал — в этот миг её сковали напряжение и страх.

Будь на его месте кто-то другой, Чжун Цинлин ни за что не ответила бы.

Но Линь Сюэцэ и У Гуй только что спасли Чэнь Юаня.

Помолчав несколько секунд, она наконец подняла руки и сняла очки с маской, обнажив лицо, испещрённое следами побоев.

Хотя она уже много лет как ушла из публичной жизни и ей было около сорока, природа щедро наградила её красотой. Чёткие черты лица, подтянутая кожа — на первый взгляд ей можно было дать не больше тридцати.

Единственным, но слишком заметным изъяном были синяки: у внешних уголков глаз и возле рта темнели фиолетово-синие пятна — явные следы жестоких ударов.

Если даже на лице были такие отметины, то о том, что творилось на теле, страшно было и думать.

Неудивительно, что она носила длинное платье, маску и очки, прячась с головы до ног и не осмеливаясь открыть ни сантиметра кожи.

Заметив недоверие в глазах Линь Сюэцэ, Чжун Цинлин хрипло, почти шёпотом произнесла:

— Как вы догадались, что меня избивают?.. Я столько лет вне поля зрения прессы, рядом нет папарацци... дела моей семьи никогда не становились достоянием общественности...

— Когда мы искали Чэнь Юаня, — ответил Линь Сюэцэ, — мы увидели три тени. Тень мужчины, избивающего женщину. И третью тень — Чэнь Юаня. Он стоял рядом, молча, не смея пошевелиться.

Глаза Чжун Цинлин широко распахнулись:

— Невозможно! Когда Чэнь Сянхуэй бил меня, Чэнь Юаня никогда не было рядом! Он не мог видеть меня в таком виде!

Линь Сюэцэ тихо вздохнул:

— Думаете, что он ничего не видел? Вы живёте в одном доме... Ваше лицо ведь было в синяках не в первый раз. Даже если он не видел сам момент избиения — разве он ни разу не спрашивал что случилось, увидев вас?

Чжун Цинлин словно ударило током.

Перебирая в памяти прошлое, она вдруг осознала: каждый раз, когда она была избита, Чэнь Юань действительно никогда не задавал вопросов.

Она думала, что он ещё слишком мал, что не понимает таких вещей — и даже радовалась этому, ведь не приходилось выдумывать оправдания и лгать ребёнку.

Неужели... Чэнь Юань всё это время знал?

Эта догадка заставила Чжун Цинлин похолодеть с головы до ног — её охватила глубокая, всепоглощающая паника.

Никто не знал лучше неё, насколько ужасающими бывают сцены побоев — она сама была их жертвой.

Если Чэнь Юань всё это время видел подобные картины...

Линь Сюэцэ тихо сказал:

— Когда Чэнь Юань понял, что превратился в «чудовище», его первой реакцией было спрятаться. Он боялся, что если кто-то увидит его таким, это навредит вам. Больше всего на свете он переживал, что... кто-то снова ударит маму.

Кого именно он имел в виду под этим «кто-то», объяснять не требовалось.

Чжун Цинлин отступила на шаг назад, почти потеряв равновесие:

— Я не знала... я правда не знала, что он всё видел...

Линь Сюэцэ посмотрел на неё и мягко, но прямо спросил:

— Ваш муж долгое время подвергал вас домашнему насилию. Почему вы не подали на развод? Почему не ушли от него?

— Когда Чэнь Юань родился, у него не было одного ушка... он был ребёнком с инвалидностью, — голос Чжун Цинлин дрожал. — Чэнь Сяньхуэй говорил, что в его роду нет таких генов, что это из-за меня родился больной ребёнок. Такие дети растут куда тяжелее, чем обычные. Если бы я развелась... тогда Чэнь Юань был бы не только физически неполноценным, но ещё и вырос бы в неполной семье...

По мере того как она говорила, эмоции выходили из-под контроля. Она закрыла лицо руками и опустила голову:

— Он с рождения замкнутый и чувствительный. Я хотела дать ему полноценную семью. Я не хотела, чтобы он, родившись с инвалидностью, стал ещё и ребёнком из неполной семьи...

Сквозь рыдания Чжун Цинлин продолжала:

— Каждый раз, когда Чэнь Сянхуэй меня бил, он потом раскаивался. Но сколько бы он ни извинялся, всё повторялось снова. В конце концов он уже не мог себя контролировать и пообещал мне хотя бы одно — что будет бить меня так, чтобы Чэнь Юань этого не видел. Он просил меня пойти на уступки ради ребёнка... Я и представить не могла, что Чэнь Юань всё знал. Ему всего пять лет... а он всё это время знал...

Даже Линь Сюэцэ, который уже догадывался о правде, услышав её слова, едва сдерживал ярость.

Хорошо, что тот ублюдок по имени Чэнь Сянхуэй не стоял сейчас перед ним — Линь Сюэцэ не мог поручиться, что не сорвался бы и не пустил в ход кулаки.

Послушать только, что он несёт — да разве это слова человека?!

Видя, что Чжун Цинлин полностью сломлена, Линь Сюэцэ подавил кипящий в груди гнев и протянул ей салфетки.

— Причин врождённой инвалидности множество. В этом нет ничего постыдного. Если выбирать между формально «полной», но ужасной семьёй и тёплой, счастливой неполной семьёй — я бы без колебаний выбрал второе. И я уверен, Чэнь Юань выбрал бы тоже.

— Его чувствительность и замкнутость, возможно, вовсе не следствие врождённого дефекта, а результат той среды, в которой он рос.

Линь Сюэцэ говорил тихо, но твёрдо.

— Госпожа Чжун... ради Чэнь Юаня — и ради вас самой — я надеюсь, вы всерьёз всё обдумаете и примете правильное решение.

<http://bllate.org/book/14966/1340004>